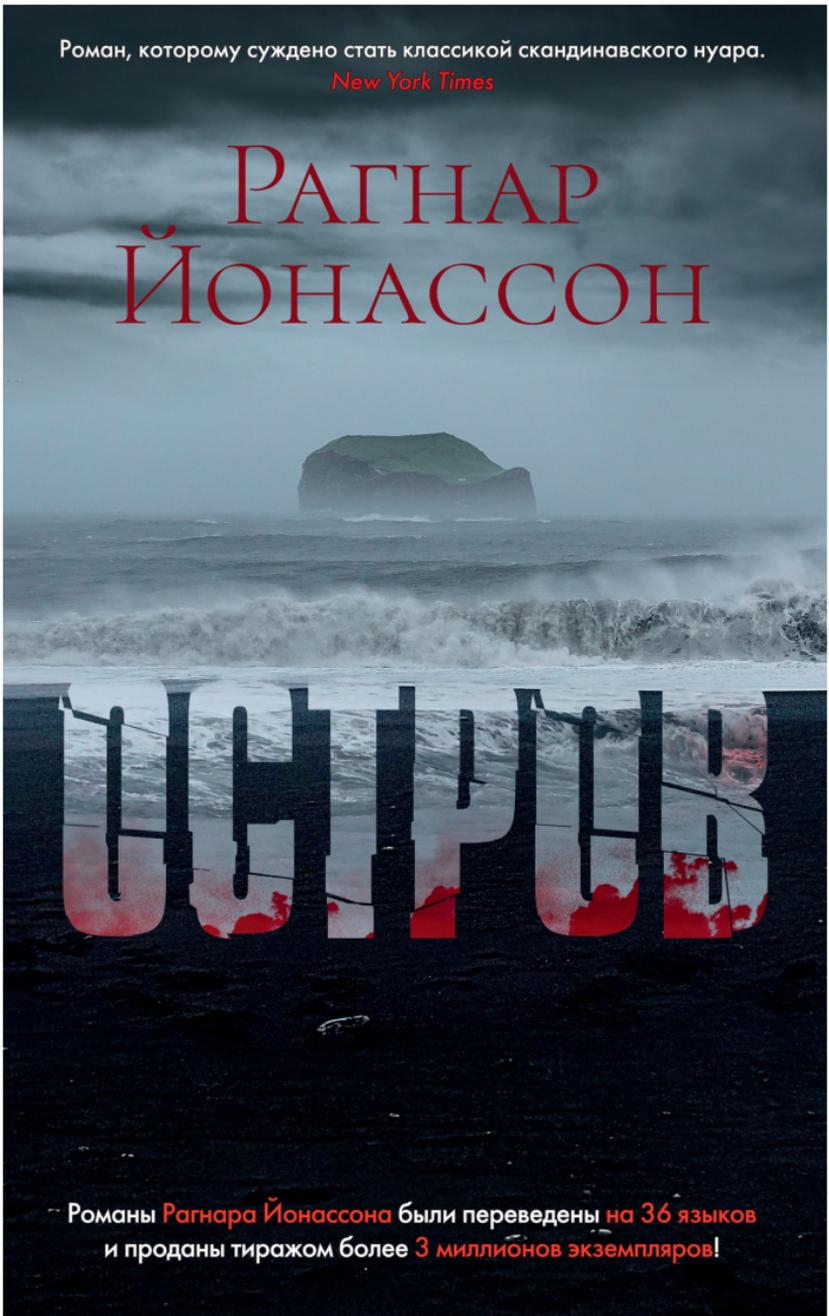

Роман, которому суждено стать классикой скандинавского нуара.
New York Times

РАГНАР ЙОНАССОН

ОСТРОВ

Романы **Рагнара Йонассона** были переведены на **36 языков**
и проданы тиражом более **3 миллионов экземпляров!**

Рагнар Йонассон

Остров

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Хюльда», книга 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010944

Остров: Азбука-Амтикус; СПб; 2022

ISBN 978-5-389-21655-6

Аннотация

Четверо друзей отправились отдохнуть на остров недалеко от побережья Исландии, и никто из них не мог предположить, что эта поездка обернется трагедией... Инспектор полиции Хюльда Херманнсдоуттир ведет расследование и обнаруживает странную связь истории на острове с делом десятилетней давности, когда была найдена мертвой молодая женщина, погибшая при неясных обстоятельствах в столь же пустынном месте. Хюльда блуждает по лабиринту недомолвок и все больше убеждается, что никто не говорит ей всю правду, включая самых близких людей. Захватывающий, тревожный и пугающий роман Рагнара Йонассона повествует о женщине, которая пытается найти истину, ускользающую в провалах времени, а также пролить свет на собственное прошлое.

«Остров» – вторая книга в трилогии о Хюльде от «короля скандинавского нуара» Рагнара Йонассона, мгновенно ставшая мировым бестселлером, в котором переплетаются настоящее и прошлое, ложь и правда, любовь и предательство.

Впервые на русском языке!

Содержание

Предисловие	8
Часть первая	14
1	14
2	19
3	23
4	28
5	30
6	38
7	44
8	48
9	50
10	58
11	63
12	66
13	72
14	78
15	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Рагнар Йонассон

Остров

© В. С. Грушевский, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Марии

ИСЛАНДИЯ

Этот роман – вымысел, и ни одно действующее лицо не

имеет реального прототипа.

Особую благодарность выражаю жителям Вестманских островов Сигурдuru Кристьяуну Сигурдссону и Саре Дёгг Аусгейрсдоуттир за наши совместные прогулки по острову Эдлидаэй и информацию о нем.

Также я признателен прокурору Хюльде Марии Стефаунсдоуттир за разъяснения относительно полицейского дело-производства.

Кроме того, я благодарен моим родителям, Йоунасу Рагнарссону и Катрин Гвюдйоунсдоуттир, которые стали первыми читателями этого романа.

* * *

*Одно лишь злое слово может разум сотрясти.
В присутствии души необходима
осторожность.
Эйнар Бенедиктссон¹. Монологи Старкадура*

¹ Эйнар Бенедиктссон (1864–1940) – исландский поэт и журналист. – Здесь и далее примеч. перев.

Предисловие

Рейкьявик, 1988 год

Девушка, которая должна была присматривать за их дочерью, опаздывала.

Супруги редко выходили по вечерам и поэтому всегда старались договориться с ней заранее. Она жила на соседней улице и уже не первый год иногда подрабатывала у них бэбиситтером, однако близко с ней супруги не общались. Что у нее за семья, им тоже не было доподлинно известно, правда они, бывало, перекидывались парой слов с ее матерью, когда случайно встречались с ней на улице. Девушке был двадцать один год, и их семилетняя дочь старалась ей во всем подражать, постоянно рассказывая, как с ней интересно, как она красиво одевается, какие увлекательные истории знает и все в таком роде. Девочка была ей всегда рада, что позволяло родителям с легким сердцем отправляться на вечеринки, будучи уверенными, что дочь в надежных руках и скучать ей не придется. На этот раз супруги собирались на ежегодный корпоратив и попросили девушку посидеть с ребенком с шести до полуночи. Стрелки часов приближались уже к половине седьмого, а застолье начиналось в семь. Отец собирался позвонить девушке и справиться, в чем дело, но жена остановила его, посчитав это излишним, мол, та вот-вот придет.

Был мартовский субботний вечер, и в доме царила атмо-

сфера радостного ожидания. Супруги предвкушали приятное общение с коллегами жены из министерства, а их дочь уже представляла себе, как будет смотреть кино в компании своей любимицы. Видеомагнитофона в доме не было, но, поскольку вечер предстоял особенный, его взяли напрокат вместе с тремя видеокассетами. И девочке разрешили не ложиться допоздна – насколько сил хватит.

На часах было почти шесть тридцать пять, когда в дверь позвонили. Семья жила на третьем этаже небольшого многоквартирного дома в Коупавогюре². Мать девочки сняла трубку домофона и облегченно вздохнула, услышав знакомый голос. Несколько мгновений спустя промокшая до нитки девушка стояла на пороге. Она объяснила, что на улице льет как из ведра, а она добиралась до них пешком. Явно смущенная, она извинилась за опоздание.

Родители, чтобы не портить себе настроения, не стали заострять внимание на этой досадной задержке, а лишь поблагодарили девушку за то, что она пришла им на выручку, и напомнили ей, где что находится в доме. Они спросили, умеет ли она пользоваться видеомагнитофоном, но тут в разговор вмешалась их дочь, заявив, что с этим она и сама отлично справится. Она явно стремилась поскорее выпроводить родителей за дверь и усесться перед телевизором. В любом случае именно за этим занятием семья обычно и проводила субботние вечера.

² *Коупавогюр* – город, на севере граничащий с Рейкьявиком.

Внизу супругов уже ждало такси, но они немного замешкались, поскольку не так часто оставляли дочь под чужим присмотром.

– Не волнуйтесь, – сказала девушка наконец. – Все будет в порядке.

Ее вид внушал доверие, да и претензий к ее работе у родителей никогда не было. Поэтому они вышли из подъезда под проливной дождь в прекрасном расположении духа.

Вечеринка была в самом разгаре, когда матери стало почему-то беспокойно за дочь.

– Ну что ты волнуешься? – сказал ей муж. – Она наверняка отлично проводит время. – Взглянув на часы, он добавил: – Держу пари, что сейчас она смотрит второй или даже третий фильм и уже слопала все мороженое.

– Как думаешь, мне здесь разрешат воспользоваться телефоном? – спросила жена.

– Куда ты собралась звонить? Уже поздно. Может, она заснула перед телевизором.

Тем не менее они решили вернуться домой пораньше – сразу после одиннадцати. Ужин из трех блюд к тому времени уже подошел к концу; надо признаться, удачным его было не назвать – поданный в качестве основного блюда ягненок оказался совершенно безвкусным. Управившись с едой, компания высыпала на танцпол. Сначала звучали старые шлягеры, а потом очередь дошла до современных поп-хитов, поклон-

никами которых супруги не являлись, хотя и считали себя довольно молодыми людьми.

В такси, по стеклам которого сбегали дождевые капли, они не проронили ни слова. За ужином супруги выпили всего по бокалу красного вина, однако вечеринка их утомила, и теперь им хотелось как можно скорее оказаться в своем уютном доме.

Выходя из такси, мать заметила, что было бы неплохо, если бы дочка уже спала, тогда они тоже смогли бы напрямик отправиться в постель.

Они не спеша поднялись по лестнице, но в дверь звонить не стали, а открыли ее ключом, чтобы не разбудить девочку, если она вдруг спит.

Но как оказалось, она не спала. Выбежав навстречу родителям, девочка обняла их крепче, чем обычно. К удивлению супругов, сна у нее не было ни в одном глазу.

– Сколько же в тебе энергии, – улыбнулся отец.

– Хорошо, что вы пришли, – отозвалась девочка.

В ее взгляде читалось какое-то странное, не поддающееся описанию выражение.

В прихожую вышла девушка. На ее губах играла мягкая улыбка.

– Ну, как у вас дела? – спросила мать.

– Все в полном порядке, – ответила девушка. – У вас такой послушный ребенок. Мы успели посмотреть два фильма.

– Спасибо, что пришли, вы нас очень выручили.

Отец достал из кармана пиджака бумажник, отсчитал несколько купюр и протянул их девушке.

– Все верно?

Она пересчитала деньги и кивнула:

– Да-да, абсолютно.

Когда она ушла, отец обратился к дочери:

– Ты не устала, радость моя?

– Ну, немножко. Давай еще вместе посмотрим видео!

Отец добродушно покачал головой:

– Уже очень поздно, к сожалению.

– Ну пожалуйста, я еще не хочу спать, – захныкала девочка.

– Ну хорошо, хорошо.

Они вошли в гостиную. Программа телепередач уже завершилась, но мужчина включил видеомэгафитофон и вставил в него очередную кассету.

Потом он присел рядом с дочерью в ожидании начала фильма.

– Как время провели?.. Было весело? – спросил он осторожно.

– Ну... да, весело, – ответила девочка не совсем уверенно.

– А... няня с тобой хорошо обращалась?

– Да, – отозвалась дочка. – Да-да, они со мной хорошо обращались.

Ответ озадачил отца.

– Как это «они»? – спросил он.

– Ну, их было две.

Он взглянул в лицо дочери и ласково переспросил:

– Что значит «две»?

– Ну, две.

– Да? К ней что, подруга приходила?

Прошло несколько мгновений, прежде чем девочка ответила. Теперь отец заметил в ее глазах испуг, и у него самого по спине пробежал холодок.

– Нет. Но это так странно, папа...

Часть первая

1987

1

Решение прокатиться в Вестфирдир³ было спонтанным. Их путь лежал сквозь осеннюю мглу в небольшую безлюдную долину. Они выехали из Рейкьявика на старенькой «тойоте» Бенедикта с запасом времени, но дорога была неблизкой, а темнота между тем все сгущалась. Сидевший за рулем Бенедикт был в растерянности.

– Может, мы выехали слишком поздно? Вдруг не найдем дома в этих потемках?

– Не беспокойся. Я эту местность хорошо знаю – мы не раз приезжали сюда с девчонками летом, – отозвалась девушка.

– Так то было летом, – с ноткой иронии заметил Бенедикт, сосредоточившись на том, чтобы удерживать машину на извилистой и плохо освещенной дороге.

– Да ладно тебе, – сказала она беззаботно.

Как долго он этого ждал! Он давно уже восхищался этой изящной и веселой девушкой и в глубине души надеялся, что и она к нему равнодушна. Но никто из них не решался на

³ *Вестфирдир* – полуостров и регион на северо-западе Исландии.

первый шаг, пока наконец пару недель назад что-то не сдвинулось с мертвой точки – и лед тронулся.

– Скоро будет развилка, – сообщила девушка.

– Ты в этих местах когда-то жила?

– Я? Нет. Но мой папа отсюда родом. Он вырос в Исафьордуре⁴, и этот дом принадлежал его семье. Мы часто приезжали сюда – здесь настоящий рай.

– Не сомневаюсь, хотя в этой темноте вряд ли что-то можно увидеть. Скорей бы оказаться на свету. – Потом он неуверенно добавил: – Там ведь есть электричество, верно?

– Холодная вода и свечи, – ответила она.

– Ты шутишь? – выдохнул Бенедикт.

– Ну конечно, я просто тебя дразню! И вода есть горячая, и электричество.

– А... ты сказала родителям, что мы сюда поедем?

– Нет, их это не касается. Мамы сейчас дома нет, и вообще, я делаю то, что хочу. Я сказала папе, что на выходных меня не будет. Брат тоже в отлучке и ничего не знает.

– О'кей. Я просто подумал, это же их дом, так? – Откровенно говоря, больше всего Бенедикту хотелось знать, в курсе ли ее родители, какой оборот приняли их отношения, ведь до сего момента они все держали в тайне.

– Ну разумеется. Это папин дом, но я знаю, что пользоваться им он не собирается, а у меня есть ключ. Ты только представь себе, Бенни, какое чудо: почти безоблачное небо

⁴ *Исафьордур* – город на полуострове Вестфирдир.

– и много-много звезд!

Он кивнул, по-прежнему сомневаясь в правильности их решения.

– Вот, сворачивай здесь, – сказала она внезапно.

Бенедикту пришлось резко затормозить, и автомобиль чуть не потерял управление. Однако молодому человеку все же удалось вписаться в поворот, и они на черепашьей скорости двинулись дальше по узкой проселочной дороге.

– Можешь ехать быстрее, иначе мы только к утру доберемся.

– Так темно – не хотелось бы разбить машину.

Она рассмеялась заразительным звонким смехом, и у него на душе сразу полегчало. Именно искренностью своего смеха она и покорила Бенедикта. Теперь все преграды остались позади. Его охватило ощущение, что все случилось так, как и должно было случиться. И это лишь начало – преддверие будущего!

– Ты говорила, там есть бассейн с термальной водой? – спросил он. – Было бы здорово окунуться в него после долгой дороги.

– Хм, ну... да, верно, – протянула она.

– Что значит «ну да»? Так там есть бассейн или нет?

– Увидишь... – Тяга к недомолвкам была в ее характере – ей всегда удавалось окутать тайной даже самые обыденные вещи.

– Сгораю от нетерпения.

Десять минут спустя они оказались в долине, где должен был находиться дом, но Бенедикт его не увидел.

– Идем, тебе нужно учиться доверять людям, – засмеялась она и, нежно взяв его за руку, повела за собой. Бенедикту казалось, что все это – часть прекрасного черно-белого сна, события которого разворачиваются в окутанной мглой долине.

Девушка внезапно остановилась:

– Слышишь? Это море.

Он покачал головой:

– Ничего не слышу.

– Тсс! Погоди. Не двигайся и молчи. Прислушайся.

Бенедикт весь обратился в слух и уловил слабый шум прибоя. Это казалось чем-то нереальным, волшебным.

– Берег совсем близко. Можем туда завтра спуститься, если хочешь.

– Было бы просто замечательно.

Вскоре показался летний дом. Он был не особенно большим и довольно ветхим. Покопавшись в кармане пуховика, она извлекла ключ. Когда они вошли внутрь, их взору предстала уютная жилая комната, где была расставлена старомодная и по-своему привлекательная мебель. Бенедикт сразу же ощутил царившую тут благодатную атмосферу.

Впереди восхитительный уик-энд вдали от городской суеты. В их распоряжении целая долина! И никому невдомек, что они здесь. Это и правда походило на сон.

Из комнаты можно было попасть в небольшую кухоньку и

ванную, была тут и приставная лестница.

– А что на чердаке? – спросил он. – Спальня?

– Да! Давай быстро!

Несколько стремительных движений – и она оказалась на верху лестницы. Бенедикт последовал за ней. Под скошенным потолком и правда находилась спальня, где были разложены матрасы, одеяла и подушки.

– Иди сюда, – позвала она, устроившись на одном из матрасов. – Скорее.

Противостоять ее улыбке было выше его сил.

2

Бенедикт, стоя под звездным небом и поеживаясь от осеннего холода, жарил бургеры на старом угольном мангале. Поездка началась замечательно, и он с удовольствием думал о ее продолжении. Он был горожанином до мозга костей, и вылазки на природу никогда его особенно не привлекали, но здесь он чувствовал себя на удивление хорошо. Разумеется, лучшей компании он и желать не мог, но что-то было и в самой этой местности, в ее уединенности. Бенедикт вдохнул полной грудью свежий, прохладный воздух и, прикрыв глаза, снова вслушался в плеск морских волн. Запах осенней листвы смешивался с ароматом бургеров, поднимавшимся от мангала, который стоял позади дома. Внезапно у Бенедикта мелькнула мысль об обещанном ему термальном бассейне – где же он, интересно?

Когда они поели, он шутливым тоном спросил:

– Ну и где тот бассейн, о котором ты рассказывала? Я несколько раз обошел вокруг дома – нигде его не заметил.

Она залилась озорным смехом:

– Вряд ли это у тебя заняло много времени!

– Ты пытаешься уклониться от ответа!

– А вот и нет! Идем!

Не успел Бенедикт оглянуться, как она уже оказалась на улице. Он вышел вслед за ней в осеннюю тьму.

– Ты собираешься наколдовать бассейн с термальной водой?

– Иди за мной! Не холодно тебе?

Он замешкался с ответом – в легком джемпере ему, вообще-то, было довольно зябко, но признаваться в этом не хотелось. Она вернулась в дом, а потом снова вышла с толстым шерстяным свитером в руках.

– Можешь надеть этот. Он папин – я его потихоньку стащила. Мне он великоват, но в нем очень тепло.

– Ну уж свитер твоего папы я надевать не стану – это было бы несколько странно.

– Как хочешь. – Она швырнула свитер обратно в дом, и он приземлился посреди комнаты, потом захлопнула дверь.

– Это минут пять-десять отсюда – нужно пройти подальше в долину, – сказала она, махнув рукой в темноту.

– Ты о чем?

– О горячем источнике, – ответила она на ходу. – Там восхитительный природный бассейн – как раз для двоих.

Над землей поднялась полная луна. Она сияла в окружении звезд, наполняя долину своим холодным мерцанием. Бенедикт подумал, что ему не очень-то хочется идти в потемках, – кроме луны и звезд, других источников света не было. И ни одного человеческого жилища во всей округе, если не считать летнего домика, который уже исчез из виду. Ну да ладно – такие приключения выпадают в жизни нечасто, тем более с девушкой, в которую ты по уши влюблен!

Однако, как он ни вглядывался во тьму, никакого горячего источника не видел.

– Еще далеко? – спросил он. – Может, ты меня разыгрываешь?

Она расхохоталась:

– Нет, конечно! Погляди вон туда...

Она жестом указала в глубину долины. У подножия горы он разглядел очертания небольшой постройки.

– Да-да! Видишь ту хижину? Возле нее и есть источник. А хижину используют в качестве кабинки для переодевания.

Они направились дальше к покосившейся хижине, и тут Бенедикт заметил преграждавший им путь горный поток.

– А где же мост? Или нам придется идти в обход? – спросил он.

– Доверься мне. Я знаю эту местность как свои пять пальцев.

Когда они приблизились к берегу, она продолжила:

– Моста нет, но, чтобы перейти реку вброд, лучше места не найти. Видишь камни?

Бенедикт кивнул. Камни-то он видел, но они ему совершенно не понравились – особенно теперь, когда он понял, что ему предстоит.

– Это совсем не опасно. Просто переступаешь с камня на камень, и все.

Она сняла ботинки и носки и устремилась через реку с такой легкостью, будто никогда ничем другим в жизни не за-

нималась. «Прямо как кошка», – подумал Бенедикт.

Ну что ж, придется и ему последовать ее примеру. Он снял ботинки, засунул в них носки и, держа обувь в руках, сделал первый шаг в реку. Не успел он коснуться ногой воды, как тут же резко отдернул ее и отступил назад: вода была ледяная.

– Давай-давай! Смелее! – крикнула она, уже стоя на противоположном берегу. Внезапно она показалась ему невероятно далекой.

Снова войдя в реку, он ступил на первый камень, а с него перескочил на следующий. Делая очередной прыжок, он поскользнулся, но все же успел найти точку опоры на третьем камне, едва избежав падения. Оказавшись наконец на другом берегу, Бенедикт с облегчением выдохнул.

Подняв глаза, он увидел, что она уже успела раздеться и теперь, обнаженная, стоит у бассейна.

– Присоединяйся, – сказала девушка, медленно опускаясь в горячую воду.

Бенедикт не заставил просить себя дважды. Погружаясь в бассейн, он чуть было не плюхнулся в воду лицом – таким скользким оказалось каменистое дно.

– Это просто фантастика, – любуясь рассыпанными на темном небосводе звездами, проговорил он и поближе придвинулся к девушке, нежась в горячей воде, от которой поднимался пар.

3

Когда после купания они вернулись в дом, у Бенедикта зуб на зуб не попадал от холода, и его спутница тоже наверняка продрогла. Он понятия не имел, сколько было времени, поскольку оставил свои часы в машине, а те, что висели на стене в комнате – единственные часы в доме, – остановились. Где, как не здесь, в этом живописном и глухом месте, меж приморских гор, было остановиться времени?

– Давай сразу наверх, – предложил Бенедикт. – Очень хочется забраться под одеяло – я прямо окоченел.

– О'кей, – согласилась она. – Ну, что стоишь? Поднимайся первый.

От ее мягкого голоса ему, казалось, тут же стало теплее. Бенедикт хотел было дождаться ее, но, поскольку она не двигалась, он поднялся наверх один. На чердаке было темно, и все его попытки нащупать выключатель оказались тщетными.

– А света здесь нет? – крикнул он с чердака.

– Нет, дурачок ты мой, – шутливо отозвалась девушка. – Это просто летний дом, а не вилла класса люкс.

Бенедикт двинулся вперед на ощупь – темноту нарушали лишь тусклые блики света снизу и мерцание звезд за малюсеньким окошком. Постельное белье они оставили в машине, но Бенедикт слишком замерз, чтобы снова спускаться вниз и

тем более выходить на улицу. Да и машина стояла не прямо перед домом. Он развернул два матраса, вплотную сдвинул их и забрался под одеяло. Холод пробирал до костей, но в то же время Бенедикт ощущал радостное возбуждение. Как же долго он об этом грезил! Он наедине с девушкой своей мечты, вдали от всех и вся!

Вскоре он услышал, как она легкими шажками поднимается вверх, в прямом смысле неся с собой свет. В руках у нее был старинный подсвечник, и дрожащее пламя свечи отбрасывало на ее лицо загадочные тени. Бенедикт, кутаясь в одеяло, все еще не мог поверить в реальность происходящего.

Она осторожно поставила подсвечник на пол. Случись в этом деревянном домишке пожар, последствия – к гадалке не ходи – будут плачевными, забеспокоился Бенедикт, но его внимание тут же переключилось на ее полуобнаженное тело.

– Ух ты! – невольно произнес он – его подруга выглядела сногсшибательно. Потом он все же спросил: – А не опасно оставлять здесь свечу?

– А как ты думаешь, живут люди на хуторах, Бенни? Сразу видно, что ты городской.

Он усмехнулся:

– Ты не собираешься ложиться? Тебе разве не холодно?

– Знаешь, мне, вообще-то, не бывает холодно. Я даже сама не знаю почему.

В отблеске свечи он заметил на ее губах улыбку. Потом

она развернулась и без всяких объяснений снова спустилась вниз.

– Куда ты?

Она не ответила. Бенедикт придвинулся поближе к свече, пытаясь хоть немного согреться. Ему на ум снова пришло слово «нереальный». Или, скорее, «призрачный» – да, это слово описывало ситуацию лучше. И в то же время его не покидало ощущение какой-то секретности происходящего, из-за чего приятное волнение в душе лишь нарастало.

Она почти сразу вернулась, на этот раз с бутылкой красного вина и двумя бокалами.

– Вот это да... – только и вымолвил он.

Девушка скользнула под одеяло и прижалась к нему.

– Так-то уютнее, правда, Бенни?

То, как прозвучало его имя в ее устах, вкупе со всей обстановкой, наполнило Бенедикта неопишуемым восторгом.

– Да, – ответил он, не зная, что еще сказать.

– Один из моих предков жил здесь неподалеку, – сказала она, и, судя по интонации, Бенедикту предстояло услышать длинную историю. Его подруга была мастерицей рассказывать разные истории – он влюбился в нее и поэтому тоже. И вообще, влюбиться в нее было так просто – даже слишком просто, но он не сожалел, что это случилось. Уже не сожалел. – Люди говорят... – Она сделала паузу для пущего эффекта, а потом игриво продолжила: – Не знаю, хочешь ли ты слушать про это...

– Конечно хочу.

– Люди говорят, что его призрак до сих пор ходит по долине.

– Так я в это и поверил!

– Хочешь верь, хочешь нет, но именно так они и говорят.

Поэтому я ни за что и никогда не согласилась бы оказаться здесь ночью одна. – Она еще плотнее прижалась к нему.

– А ты сама его видела? – спросил Бенедикт.

Он ждал, что она признается в своем розыгрыше, но внутренне надеялся на продолжение. Ему было интересно, хотя он и понимал, что не следует принимать все эти байки за чистую монету.

– Нет... – Она замолчала, и у Бенедикта возникло ощущение смутной тревоги. – Нет, но я чувствовала его присутствие... слышала какие-то странные звуки.

Ее голос прозвучал так серьезно, что у Бенедикта по спине пробежал холодок.

– Однажды в детстве я была здесь, наверху, с папой – только он и я. Когда я задремала, папа куда-то отлучился, а я сквозь сон почувствовала, что осталась одна. Стояла ранняя весна, поэтому ночи были еще темные. Окончательно проснувшись, я попыталась зажечь свечу, но фитиль все никак не хотел загораться... А потом я услышала этот звук – и знаешь, Бенни, такого страха я не испытывала больше никогда – ни до, ни после той ночи...

Бенедикт молчал, уже жалея о том, что согласился ее слу-

шать. Он заглянул ей в лицо, и на мгновение ему показалось, что в ее глазах таится страх. Бенедикт зажмурился и постарался отогнать от себя ощущение тревоги. Ну как можно было купиться на подобную ерунду!..

– Я в это не верю, – сказал он наконец.

– Это потому, что ты не знаешь всей истории, Бенни, – отозвалась она полупшепотом, давая понять, что самое жуткое еще впереди.

– Всей истории? – переспросил он.

– Его сожгли на костре. Представь себе – на костре!

– Что за чушь! Хватит меня разыгрывать.

– Неужели ты думаешь, что я стану шутить на такую тему?

Разве ты не читал о том, как сжигали колдунов?

– Может, ты о ведьмах? Тех женщинах, которых сжигали на кострах за колдовство?

– Да нет! Женщин здесь на кострах почти не сжигали – это были в основном мужчины. И мой предок был одним из них. Представь себе, Бенни, представь хотя бы на миг, каково это – быть сожженным на костре.

От переизбытка чувств она резко взмахнула рукой и задела подсвечник. У Бенедикта перехватило дыхание.

Горящая свеча упала на деревянный пол...

4

Ее реакция была мгновенной – подхватив с пола свечу, она вернула ее на прежнее место.

Потом усмехнулась:

– Все могло закончиться гораздо хуже.

– Да уж! Бога ради, будь осторожнее, – сказал Бенедикт, еще не успев оправиться от испуга.

– И знаешь, – продолжила она, будто ничего не случилось, – мне кажется, он был виновен.

– Виновен?

– Да, в колдовстве. Ну, я не говорю, что его надо было сжигать на костре, но чем-то подобным он явно занимался. Я немного изучала эту тему – магические знаки и все такое. Меня это увлекло.

– Серьезно? Тебя увлекла дьявольщина?

– Понимаешь, я думаю, что это у меня в крови – в генах...

– Что? Колдовство у тебя в крови? – едва веря своим ушам, спросил Бенедикт.

– Ну да, колдовство.

– Скажи мне, что ты шутишь.

– Бенни, такими вещами не шутят. Я даже немного экспериментировала – это так захватывает! – Она легонько толкнула его локтем.

– С чем ты экспериментировала?

– С колдовством. – И она шутливо добавила: – Как, по-твоему, мне удалось заманить тебя в свои сети?

– Прекрати.

– Верить или нет – твое дело.

– Я с трудом верю, что нахожусь здесь, с тобой.

Она рассмеялась:

– Не выпить ли нам по глотку?

Бутылка красного вина все еще стояла нетронутой возле свечи, а рядом с ней – два бокала.

– Не хочу вылезать из-под одеяла – я до сих пор не согрелся.

– Не согрелся? – И она добавила, будто дразня Бенедикта: – А не испугался ли ты?

Он молчал.

– Значит, все-таки испугался?

– Разумеется, нет. – Он поближе придвинулся к ней, чувствуя исходящее от ее тела тепло.

– Бояться нечего – пока горит свеча, он не издаст ни звука. А вот в темноте, Бенни...

С этими словами она протянула руку к свече, потушила пламя пальцами, а потом снова повернулась к Бенедикту и нежно поцеловала его в губы.

Бенедикт проснулся рано. Вообще-то, он ожидал, что в летнем домике, вдали от городского шума и будильников, его сон будет крепче.

Однако спалось ему не слишком хорошо, – вероятно, причина была в рассказанной на ночь истории о колдовстве и сожжении на костре, а может, он просто разволновался от того, что ему наконец предстояло провести с ней ночь.

Она все еще безмятежно спала. Бенедикт потихоньку спустился с чердака, надел джемпер, брюки и ботинки и выглянул за дверь. Судя по всему, их ожидал замечательный день – в прохладном воздухе была разлита абсолютная тишина. Выйдя из дома, Бенедикт неторопливо пошел в сторону моря. Он чувствовал полное умиротворение, любуясь живописными окрестностями; удаленность от цивилизации придавала им особое очарование. Бенедикт вырос в городе и не являлся большим ценителем дикой природы, но здесь он отдыхал душой. А может, дело было не в том, где он находится, а с кем.

Он спускался к берегу довольно долго. Очутившись у кромки воды, присел на камень и устремил взгляд в морскую даль.

Задерживаться тут надолго Бенедикту не хотелось – он опасался, что она проснется и станет его искать. Поэтому

вскоре он поднялся с камня и энергично зашагал назад к дому – прогулка была прекрасной, но ему не терпелось снова оказаться в тепле.

Вернувшись, он заглянул на чердак – она по-прежнему крепко спала. Бенедикт даже удивился, что можно так долго спать.

Он решил воспользоваться возможностью и приготовить для них скромный завтрак – бутерброды с сыром и апельсиновый сок. Затем поднялся с едой на чердак.

Любуясь, как она прекрасна во сне, он легонько тронул ее за плечо. Никакой реакции не последовало. Тогда Бенедикт склонился к ее уху и прошептал, что завтрак готов. Это возымело эффект, и она шевельнулась.

– Завтрак? – переспросила она, приоткрыв глаза и зевнув. – Как ты сказал?

– Да, я ходил в магазин.

– В магазин?

– Шучу! Вот – сделал тебе бутерброды.

Она улыбнулась и едва слышно сказала:

– Спасибо, но я еще поспала бы. Поем попозже, ладно?

– Ну конечно.

Бенедикт подумал о местных красотах – эта долина просто околдовала его.

– Хорошо. Я тогда пойду прогуляюсь – и к источнику схожу.

– Отличная идея! Конечно иди, – сказала она и перевер-

нулась на другой бок. – Гуляй сколько хочешь.

Бенедикт отправился в путь, понятия не имея, куда идет. Полная отрешенность от мира и величественная природа во-круг впечатлили его сверх ожиданий. Он был совершенно один, и впервые за долгое время никто не знал, где его можно найти. Благодаря джемперу особого холода он не испытывал. Скорее, наоборот, с каждым шагом ему становилось теплее. Бенедикт собирался добраться до природного бассейна и понежиться в горячей воде, но, оказавшись у реки, решил пройти немного дальше и осмотреться в долине. В свете дня он вряд ли заблудился бы, да и горы служили прекрасным ориентиром.

Иногда полезно побыть наедине с собой и поразмышлять. То, что он нашел идеальную женщину, не подлежало сомнению, хотя их сближение оказалось непростым. Вместе им было очень хорошо, и эти ее зловещие истории о призраках, скорее, даже нравились ему. Бенедикта по-прежнему одолевали сомнения относительно всего того, что он услышал прошлым вечером. Предок, сожженный на костре... Ну что ж, это вполне могло быть правдой. От этой мысли по коже у него побежали мурашки. Как же он струхнул вчера, когда она уронила на пол свечу! И у него даже закралось подозрение, что это произошло не случайно, она сделала это нарочно, чтобы усилить драматический эффект. Она совершенно непредсказуемая. И все же главное – это то, что он влюблен

в нее со всеми ее странностями и теперь она наконец его девушка.

Но в чем Бенедикт нуждался сейчас больше всего, так это в тишине и покое, чтобы подумать о будущем. Его страстное желание изучать живопись разгорелось еще сильнее, когда летом один из его бывших одноклассников рассказал, что принял решение подать документы на поступление в одно из лучших художественных училищ в Нидерландах. Времени было еще достаточно – Бенедикт уже получил из училища бланки всех анкет для абитуриентов, и теперь они лежали на его письменном столе в качестве напоминания о решении, которое ему предстояло принять.

Он не спешил по нескольким причинам. Во-первых, он, конечно, был влюблен, но учеба начиналась лишь через год или чуть меньше, и к тому времени недолгая разлука вряд ли могла бы привести к завершению их отношений. Не говоря уже о том, что сценарий их совместного переезда в Нидерланды был вполне реален – в ней жил тот же дух авантюризма, что и в нем. Во-вторых, были некоторые финансовые трудности – Бенедикт происходил из небогатой семьи, так что рассчитывать на материальную поддержку со стороны родителей ему не приходилось. Однако его могла выручить студенческая ссуда, которой вполне хватило бы на скромное существование. Что было морально сложнее, так это оставить родителей – Бенедикт был их единственным сыном. Он появился на свет, когда они были уже в довольно зрелом воз-

расте, а теперь им обоим было к шестидесяти. Однако настоящая причина крылась в его элементарной боязни принимать решения – Бенедикт привык идти по проторенной дорожке. Он закончил школу, которую выбрали для него родители. Не обманывая ничьих ожиданий, участвовал в общественных и спортивных мероприятиях. А теперь поступил на инженерный факультет университета, поскольку ему хорошо давалась математика, так же как и его родителям. Тем не менее не проходило ни одной лекции без того, чтобы им не овладевала смертная скука, хотя учиться ему было легко.

В эти выходные Бенедикт решил не думать об учебе, в то время как другие первокурсники, несомненно, корпели над книгами, под гнетом стресса от свалившихся на них обязанностей. Но Бенедикт не видел себя в будущем инженером – внутри его зрел протест, и теперь ему нужно было лишь набраться смелости, чтобы одолеть сопротивление родителей и свою собственную инертность и принять единственно правильное решение. Родители, конечно, испытали бы шок, если бы узнали, что он бросает инженерное дело и отправляется изучать живопись в Нидерланды... Бенедикт представил себе выражение их лиц и с трудом удержался от смеха. А ведь они отлично знали, что больше всего ему нравится проводить время в гараже, среди кистей, красок и холстов. Это продолжалось не первый год, и родители по-своему поддерживали и поощряли увлечение сына. Тем не менее они ничуть не сомневались в том, что он прежде всего должен

овладеть профессией, приносящей стабильный доход. Живопись – это прекрасно, но исключительно в качестве хобби.

Бенедикт прекрасно помнил разговор своего преподавателя из художественной школы с родителями по окончании учебы. Выслушав лестные отзывы о способностях сына, родители подтвердили, что и сами в них не сомневаются. Но когда преподаватель заметил, что такому талантливому мальчику стоит задуматься о карьере профессионального художника, родители слегка опешили, тем не менее нашлись, как повежливее его осадить. С тех пор Бенедикт уверился в том, что должен сам выбирать свой жизненный путь. И что это за путь, ему тоже было очевидно. Теперь ему требовалось собраться с духом, чтобы осуществить свои мечты.

Да, может, сейчас все будет легче – ведь рядом с ним она... Полный надежд, он бросил взгляд на горы и в этот момент осознал, что ушел гораздо дальше, чем намеревался. Свежий воздух придал Бенедикту решимости, и ему почему-то показалось, что сегодняшнее утро окажется очень значимым и, возможно, станет поворотным пунктом в его жизни. Его вера в то, что он сам кузнец своего счастья, крепла в нем с каждой минутой – нужно лишь не растерять этот положительный настрой и, вернувшись домой, предпринять следующий шаг к выходу из «зоны комфорта». Наедине с природой будущее предстало перед Бенедиктом совершенно ясным – теперь он и помыслить не мог о том, чтобы снова пойти на опостылевшие лекции по инженерному делу. Пусть

цифрами и уравнениями занимаются те, кому это действительно интересно! Бенедикт присел у подножия горы, чтобы немного передохнуть, но вскоре почувствовал, что его начинает пробирать холод. Все-таки лучше не останавливаться.

Спешить ему было некуда – пусть она вволю отоспится. На обратном пути он то и дело замедлял шаг, чтобы в полной мере насладиться природными красотами. Бенедикт уже предвкушал, как окунется в бассейн с горячей термальной водой, – не сделать этого было бы просто глупо. Да и потренироваться в переходе вброд горной речки ему не помешает, чтобы не выглядеть неуклюжим тюфяком, когда в следующий раз они пойдут к этому природному бассейну вместе.

В воображении Бенедикта рисовались радужные картины, как они вместе переезжают в Нидерланды и обустраиваются там. Ему представлялась небольшая и уютная студенческая квартира. А после учебы они, возможно, вернутся в Исландию, поселятся поближе к центру Рейкьявика и будут наслаждаться жизнью.

Искусство заставляло его сердце биться быстрее, а теперь еще и она... После долгой прогулки Бенедикт добрался наконец до горячего источника. Несмотря на то что камни в реке по-прежнему были скользкими и опасными, ему удалось перейти реку гораздо увереннее, чем предыдущим вечером, и, лишь оказавшись на другом берегу, он осознал, к чему мог привести только один неверный шаг – он вполне мог сломать себе ногу! Случись такое, до нее было бы не докричаться, да

и бассейна от летнего дома было не видно. Хорошо хоть она знает, что он здесь, поблизости, и в случае чего отправится на его поиски... Бенедикту стало немного тревожно из-за того, что ему придется переходить реку и на обратном пути.

Он сбросил с себя одежду и погрузился в горячую воду, каждой клеточкой чувствуя, как тепло приятно разливается по всему телу. Какая удивительная долина! Было бы замечательно приезжать сюда вновь и вновь.

Этим утром Бенедикт потерял счет времени. Сколько, интересно, он уже отсутствует? Несомненно, долго. Он надеялся, что девушка все еще спит. Теплая вода будто не желала его отпускать. Бенедикт решил, что заслуживает еще немного понежиться в бассейне после такой долгой прогулки. Его подруга вряд ли начала беспокоиться о нем.

Наконец Бенедикт поднялся из бассейна, стараясь не оступиться на скользком дне и не порезаться об острые камни, – в этом бассейне не было ничего современного: ни поручней, ни термометра.

Поскольку полотенце он взять не догадался, ему пришлось вытираться собственной одеждой. Натягивая на себя влажную рубашку, Бенедикт забеспокоился, не закончится ли эта поездка тем, что он сляжет с простудой. Потом он снова вступил в схватку с камнями в реке. Побороть страх и выйти победителем ему помогло радостное предвкушение, что он скоро вновь окажется в летнем домике – рядом с любимой.

Услышав стук в дверь, Хюльда Херманнсдоуттир подняла взгляд от разложенных на столе бумаг. Как обычно в это время дня, она была погружена в работу с документами, несмотря на то что большинство ее коллег уже ушли домой. Хюльда всегда задерживалась на службе, хотя в финансовом плане подобное рвение не приносило ей никаких дивидендов, поскольку по согласованию с ней сумма за сверхурочные часы ей полагалась фиксированная. Однако в Хюльде жило стремление работать с максимальной отдачей и быть в профессии на голову выше своих коллег. Службу в полиции она очень ценила, несмотря на невысокие заработки. И она была полна решимости подняться на следующую ступень в иерархии следственного отдела, поскольку понимала, что это откроет для нее совершенно новые перспективы.

Хюльда никогда не забывала, через какие трудности пришлось пройти не только ей с матерью, но и бабушке с дедушкой. Они воспитывали Хюльду втроем, и, по ее детским воспоминаниям, нужда была их вечной спутницей. Дедушка и мама работали за гроши, а бабушка занималась домашним хозяйством. Семья влачила довольно жалкое существование, и Хюльда всегда лелеяла мечту о том, чтобы поскорее вырасти и вырваться наконец из этой нищеты. Поэтому, несмотря на сильное давление со стороны родственников,

которые считали, что школу ей заканчивать необязательно, а лучше сразу пойти работать и приносить в дом деньги, она все-таки на «отлично» сдала выпускные экзамены – одна из немногих девочек в классе – и стала самым образованным человеком в своей семье. В тот момент она даже подумывала насчет поступления в университет, но бабушка с бабушкой пресекли ее инициативу, заявив, что ей пора уже начинать самостоятельную жизнь. Мама попыталась было вступить за Хюльду, но без особого энтузиазма. Видимо, ее вполне устраивал полученный дочерью аттестат о среднем образовании и на большее она не рассчитывала. Тогда, отчасти по воле случая, а отчасти благодаря собственному упорству, Хюльда и стала полицейским. Просматривая со своей школьной подружкой объявления о вакансиях, она обнаружила, что на работу в полицию требуется временный сотрудник. Подруге подобная должность казалась совсем неподходящей для женщины. Хюльда с этим не согласилась, поскольку считала, что у нее не меньше шансов работать в полиции, чем у кого бы то ни было другого. Так оно и вышло – из временных сотрудников Хюльду перевели в постоянные; закончив училище при полицейском управлении Рейкьявика, она стала заниматься уголовными расследованиями и в результате получила должность инспектора в следственном отделе. Она служила под началом полицейского старой закалки по имени Снорри, и именно он сейчас и стоял на пороге ее кабинета.

– Хюльда, разрешите вас немного побеспокоить? – вежливо спросил он.

Снорри всегда вел себя довольно чопорно, и водить дружбу с подчиненными было не в его характере. Однако на Хюльду он голоса никогда не повышал, и она догадывалась о причине подобного отношения: он воспринимал ее в первую очередь как женщину, а не как равного себе профессионала.

– Да, конечно, прошу вас. Я, вообще-то, уже собиралась домой.

Окинув взглядом кабинет и жалея, что до сих пор не ушла, она перевела глаза на свой рабочий стол. Он был завален всевозможными бумагами: отчетами, документами и показаниями, на изучение которых Хюльда потратила уже слишком много времени. Из личных вещей на столе было всего две фотографии – одна Диммы, а другая Йоуна. Первый снимок был сделан недавно, а второй уже довольно давно, когда они с Йоуном только познакомились. Тогдашний Йоун отличался от нынешнего, обремененного заботами бизнесмена образца 1987 года, как день и ночь: с фотографии на нее смотрел длинноволосый молодой человек в рубашке яркой расцветки. Оба снимка были повернуты к Хюльде, так что те, кто заходил в кабинет, изображений не видели.

Снорри не сел, а продолжал стоять перед Хюльдой, словно давая ей время закончить то, чем она занималась до его прихода.

– Я просто хотел уточнить, зайдете ли вы с Йоуном ко мне на аперитив перед ужином в пятницу.

У Снорри было обыкновение приглашать подчиненных к себе домой что-нибудь выпить перед ежегодным корпоративом сотрудников полиции. Это мероприятие каждый раз наводило на Хюльду ужасную тоску, но ей приходилось идти самой и тащить за собой Йоуна, хотя тот совсем не горел желанием общаться с ее коллегами и старался отсидеться где-нибудь в уголке, не вступая ни в какие разговоры, что расстраивало Хюльду.

– Да, разумеется, – ответила она. – Я разве не подтвердила этого? Неужели у меня вылетело из головы? – Тут Хюльда поняла, что у нее появилась возможность обсудить со Снорри одно дело, которое занимало ее мысли. – Кстати, пока не забыла...

– Слушаю вас, Хюльда.

– Я так понимаю, Эмиль скоро выходит на пенсию...

– Верно. Он ведь уже не мальчик. Нам будет его не хватать.

Она немного помолчала, а потом заговорила вновь, аккуратно подбирая слова:

– Я хотела бы предложить свою кандидатуру на его место.

Снорри явно опешил – он ожидал чего угодно, только не этого.

– Да? – пробормотал он наконец. – Понимаю вас, Хюльда.

– Думаю, я вполне подхожу на эту должность – у меня

достаточно знаний и опыта.

– Безусловно. Но вы все же довольно молоды. Хотя, конечно, вы опытни и ответственные, с этим не поспоришь.

– Ну, мне, вообще-то, почти сорок.

– Я понимаю, конечно, Хюльда... Это все-таки совсем немного... Да и...

– Я собираюсь подать заявку, как только должность освободится. Это ведь вы решаете, кто ее получит...

– Ну, в общем-то, да... формально я.

– Я могу рассчитывать на вашу поддержку, верно? Ведь среди ваших подчиненных я работаю дольше всех.

«И лучше всех», – хотелось добавить Хюльде.

– Это правда, Хюльда, – после недолгого замешательства сказал Снорри. – Однако, как мне известно, Лидур тоже претендует на эту позицию.

– Лидур?

Хюльда была о нем невысокого мнения, хотя они не так часто сталкивались по работе. Лидур не отличался изысканными манерами, а иногда его поведение было откровенно хамским, но он считался крепким профессионалом. Однако опыта у Хюльды было намного больше, поэтому Лидур вряд ли мог составить ей конкуренцию...

– Да, его очень интересуется эта должность, и он уже обращался ко мне насчет нее... изложил свое видение того, как оптимально решать поставленные задачи, и...

– Но Лидура же взяли в отдел без году неделя.

– Ну, это не совсем так. Да и выслуга здесь не главное.

– То есть вы хотите сказать, что мне не стоит выдвигать свою кандидатуру?

– Ну отчего же? Вы имеете на это право, Хюльда, – проговорил Снорри, которому явно хотелось покинуть ее кабинет как можно скорее. – Но, между нами говоря, думаю, что должность достанется Лидуру.

Со смущенной улыбкой Снорри ретировался. И Хюльда поняла, что возвращения к этому разговору не будет.

– Это чистое безумие притащиться в такую даль из-за какой-то девицы, – сказал Андрьес, оперативник из Исафьордура, своему коллеге, который служил в полиции всего первый год.

Андрьес уже и сам не помнил, когда начал свою карьеру в органах правопорядка. В последнее время буквально все выводило его из себя – не стал исключением и телефонный звонок некой женщины из Рейкьявика. Она разыскивала свою дочь – взрослую девицу двадцати лет, заметьте. Андрьес не мог взять в толк, как можно потерять взрослого человека, о чем без обиняков и заявил этой женщине. Надо отдать ей должное, она не опустилась до ответной грубости, а продолжила объяснять, что от дочери нет вестей уже несколько дней, а это на нее совсем не похоже. Семья имела в собственности летний дом примерно в часе езды от Исафьордура, и у девушки был от него ключ. Женщина спрашивала, не смогут ли местные полицейские, если вдруг окажутся в тех краях, заглянуть в долину и проверить, нет ли кого в доме.

Андрьес ответил, что полиция – это не мальчишки на побегушках, но все же, поколебавшись, добавил, что, вероятно, сможет пойти ей навстречу, поскольку в любом случае собирается заехать туда сегодня. Это была неправда, но день выдался скучный, и съездить в долину со своим молодым на-

парником было бы неплохо – все лучше, чем протирать штаны в участке. Однако всю дорогу он не переставал ворчать.

– Чистое безумие, – повторял Андрьес.

Новичок пробормотал в ответ что-то нечленораздельное. Он вообще больше молчал. А если и открывал рот, то Андрьес тут же его перебивал, иронизируя над его неопытностью.

Андрьес не упускал случая напомнить о своей значимости и умудренности, но не затрагивал того факта, что его бизнес с партнером в Рейкьявике прогорел, он потерял все свои сбережения и был вынужден сдаться на милость нелегальному кредитору. Теперь большая часть его зарплаты уходила на покрытие долга этому кровососу.

Въехав в долину, Андрьес продолжал путь, пока не кончилась дорога, однако никакой постройки видно не было. Тогда он вышел из автомобиля и по продуваемому всеми ветрами бездорожью направился вперед, пряча лицо от колючих струй дождя, пока наконец не увидел летний дом.

– Этот, что ли... – пробормотал он.

Андрьесу давно надоел исландский климат – не успело начаться промозглое лето, как осень уж катит в глаза, да и вообще жизнь в этом богом забытом месте не отличалась разнообразием. Один его бывший одноклассник имел обыкновение проводить самые студеные зимние месяцы в Испании, но Андрьесу о таком дорогом удовольствии оставалось только мечтать. Так и проходили его дни – бесконечные поездки

туда и обратно по всяким никчемным поводам, вот как сейчас. Ну подумаешь, захотелось девице провести пару-тройку дней подальше от родительской опеки в этом захолустье! И что с того?

Боковых окон в доме не было – только на фасаде у входной двери и, вероятно, на задней стороне. Андрьес энергичным шагом подошел к строению, не позволяя ветру и дождю сбить его решительный настрой – видал он погоду и похуже! Он постучал в дверь, но открывать никто не спешил. Не было в обозримом пространстве и припаркованных автомобилей, так что, вполне вероятно, дом пустовал. Андрьес постучал снова.

На всякий случай он заглянул в окно. Различить что-либо через тусклое стекло было непросто, к тому же Андрьес не сомневался, что в доме никого нет. Для себя он давно решил, что это напрасная затея, но все же отправился к черту на рога, вероятно, только для того, чтобы ему было на что жаловаться в течение нескольких следующих недель, понося на чем свет стоит жителей Рейкьявика с их странностями. Он уже собрался возвращаться к машине, когда все же разглядел через окно какие-то неясные очертания – или ему это лишь показалось?

Неужели на полу в доме кто-то лежит?

Вряд ли... Но ведь со зрением у него все в порядке.

Черт!

Придется зайти в дом. Как же поступить – разбить стек-

ло или выломать дверь? Первое, конечно, попроще. Тут Андрьесу пришло в голову потянуть за дверную ручку, и, гляди-ка, дверь подалась, а в нос ему ударил такой отвратительный запах, что он невольно отступил на шаг.

Что здесь, черт возьми, произошло?

Андрьес бросился назад к машине и жестом приказал молодому полицейскому выходить.

– Стой снаружи, а я зайду в дом.

– Чем это так... разит? – спросил коллега, когда они снова оказались у порога.

– Это... трупный запах, приятель.

Даже такой тертый калач, как Андрьес, от увиденного вздрогнул. Да и вряд ли к подобным сценам можно привыкнуть.

На полу лежал труп девушки. В ее распахнутых глазах застыло выражение ужаса, а вокруг головы расплылся кровавый нимб.

Складывалось впечатление, что девушка упала и ударилась затылком о пол или ее подтолкнули. От этой мысли по спине полицейского пробежал холодок – хорошо, если она умерла мгновенно, не успев почувствовать боли. Опираясь на полученное от матери описание пропавшей девушки, Андрьес сделал вывод, что, к несчастью, лежавший перед ним труп, скорее всего, принадлежит именно ей. Андрьес очень надеялся, что сообщать эту печальную новость матери выпадет не ему.

Вдруг он услышал за порогом летнего дома какой-то шум. Он выглянул за дверь и обнаружил, что новичка стошнило. Андрьес собрался было его пристыдить, но прикусил язык – момент был совсем неподходящий для выволочки. Да уже ничего и не исправить – девушка явно была мертва. Однако для проформы Андрьес все же склонился над ней, чтобы проверить пульс. На ощупь тело было холодным – бедняжка наверняка лежала здесь не первые сутки.

Что же все-таки произошло?

Несчастный случай... или убийство? На подведомственной ему территории...

Ну и дела... Андръес понимал, что в этом расследовании первую скрипку будет играть не он, но, может, оно и к лучшему. Опыта в подобных делах у него не было, но одно он знал точно: действовать нужно крайне аккуратно, чтобы не уничтожить ни одной улики.

Дай бог, чтобы все это оказалось несчастным случаем. Однако избавиться от неприятного ощущения, что в летнем доме было совершено ужасное преступление, Андръес не мог.

В эту ночь Ветурлиди плохо спал, и проснулся он ни свет ни заря. Было всего шесть часов, и в доме царила тишина. В последние дни границы сна и бдения были размыты: ночь незаметно перетекала в день, а день – в ночь, и какая-то невидимая пелена окутывала все его существование. Уже заканчивался октябрь, и, казалось, застилавшая все кругом мгла никогда не отступит. Однако погода стояла на удивление хорошая – совсем не осенняя.

Ветурлиди и его жена Вера жили в Коупавогюре, в строении, которое представляло собой гибрид таунхауса и многоквартирного дома. Отличное место – так говорила об этом жилье Вера, когда они покупали его, – просторное и подходит для семьи. Квартира была действительно просторная: два этажа, подвал и – приятный бонус – выходящий на юг балкон. Правда, сад и игровая площадка позади здания были общедомовыми.

Ветурлиди работал в небольшой аудиторской компании, но в данный момент находился в отпуске, поэтому, когда проснулся, он даже не был до конца уверен, какой сегодня день. Должно быть, среда. А может, и четверг. Вера, работавшая кассиром в местном филиале одного из банков, тоже была в отпуске, поэтому заводить будильник супругам было ни к чему.

Ветурлиди с удовольствием поспал бы подольше – по крайней мере, до того часа, когда встанет их сын-старшеклассник. Последнему, вообще-то, тоже было предоставлено несколько свободных дней, но, будучи прилежным учеником, он вернулся к занятиям уже через неделю. Ветурлиди и Вера попытались отговорить его, но тщетно – парень всегда принимал решения самостоятельно. Он был независимым, решительным и к тому же очень способным. Родители сходились во мнении, что из сына обязательно выйдет толк.

Ветурлиди закрыл глаза, призывая сон и в то же время опасаясь кошмаров, которые его подстерегали. Усталость не оставляла его в последние несколько дней, и лучшее, чего он желал для себя, была ночь без сновидений, но подобной роскоши ему никто не мог гарантировать. Некоторое время Ветурлиди лежал в ожидании дремы, которая все никак не приходила. Ему нужно чем-то себя занять, иначе мысли начнут крутиться по спирали и унесут его туда, где оказываться ему совсем не хотелось – по крайней мере, сейчас.

Он сел на кровати и потом, стараясь не производить ни звука, поднялся на ноги. Судя по ровному дыханию, Вера спала безмятежным сном младенца, что случалось не так часто, поэтому Ветурлиди совсем не хотелось ее разбудить. Когда он вставал, матрас все же предательски скрипнул, и Вера заворочалась в постели, но не проснулась. Ветурлиди вздохнул с облегчением – хорошо, что хоть один из них выспится.

Он собрался было пойти на кухню и приготовить себе ко-

фе, но, поразмышляв, решил, что сделать это совершенно бесшумно не получится. Тогда он решил взглянуть на своего сына и на цыпочках прошел по коридору к его комнате, дверь которой, как обычно, оказалась закрытой – подросток таким образом оберегал свое личное пространство.

Ветурлиди осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь – он всего лишь хотел убедиться, что все в порядке. Удостоверившись, что парень крепко спит, Ветурлиди улыбнулся и снова притворил дверь. Разумеется, все его опасения были напрасны, но ничего поделать с собой он не мог – в последнее время он был как на иголках.

Как же хочется кофе! Если он не выпьет хотя бы глоток, то окончательно так и не проснется. Вообще-то, больше всего ему хотелось сделать глоток чего-нибудь покрепче – удивительно, что он до сих пор не поддался искушению. Это, несомненно, являлось признаком его внутренней силы, о которой он, видимо, и сам не подозревал. Ветурлиди пристрастился к алкоголю еще в школе, но ему всегда удавалось контролировать себя – так он, по крайней мере, считал. Потом он познакомился с Верой, которая не пила совсем, но и не запрещала ему пропустить рюмку-другую. Однако с годами этих рюмок становилось все больше. Постепенно пьянство стало наносить вред профессиональной репутации Ветурлиди, и он даже пару раз едва не лишился работы. Он пытался скрыть этот факт от Веры, но она видела его насквозь. Однако, вместо того чтобы решительно взять ситуацию под контроль и

отказаться от алкоголя вовсе, он лишь уменьшал дозу.

Разумеется, было неизбежно, что так или иначе эта проблема нарушит их семейный покой. У Ветурлиди появилась привычка тайком выпивать дома по вечерам – сначала на выходных, а потом и в будни. Он начал опасную игру, которая могла плохо кончиться. Всего за несколько месяцев алкоголь стал настолько важной частью жизни Ветурлиди, что семья отошла на второй план – супруги начали ссориться, и их брак затрещал по швам. Ветурлиди перестал стесняться пить в открытую – на глазах жены и детей и, случалось, терял самообладание. Однако надо признать, что определенной границы он все же не переходил и рук не распускал. Тем не менее в конце концов Вера поставила ему ультиматум – либо он идет к наркологу, либо убирается из дома. Выбор был и прост и сложен одновременно. Не могло быть и речи о том, чтобы позволить алкоголю разрушить их брак, поэтому Ветурлиди, конечно, обратился в наркологическую клинику. А вот отказаться от пагубной привычки, которая вошла в его кровь и разъедала душу изнутри, оказалось ох как непросто. Ситуация усугублялась тем, что Вере было невыносимо стыдно за все происходящее. Она с ужасом представляла себе, что их друзья могут узнать о лечении Ветурлиди от алкоголизма, – ей хотелось, чтобы в глазах других людей они выглядели благополучной семьей. Однако их ссоры не остались незамеченными соседями, и иногда Ветурлиди, возвращаясь домой поздно вечером после очередной попойки, просто фи-

зически ощущал, как из-за темных окон его рассматривают любопытные глаза. Он догадывался, что за занавесками соседи перешептываются о своем соседе-пьянице и о том, как, должно быть, с ним тяжело семье.

Ветурлиди был уверен, что слухи стали расползаться, когда он находился в клинике. Кто-то из соседей смекнул, в чем причина его отсутствия, и сплетня, совершив полный круг, дошла и до их с Верой ушей. Ветурлиди порядком устал скрываться и напрямую спросил жену, не стоит ли им во всем признаться. Она взглянула на него как на полоумного – больше всего ее заботил образ идеальной семьи.

Все стало гораздо проще, когда он наконец вернулся домой – трезвый. Его встретили с распростертыми объятиями. Вера выглядела теперь другим человеком – будто с ее плеч гора свалилась. И Ветурлиди со временем пришел к выводу, что вполне способен не напиваться в стельку. Он настолько уверился в этом, что даже стал подумывать о том, почему бы не позволить себе алкоголь в умеренных дозах – пока никто не видит. Некоторое время он размышлял на эту тему, пока однажды, оставшись в доме один на целые выходные, не воплотил свою идею в жизнь. Не нужно ни от кого прятаться и ничем жертвовать, а вместо этого можно насладиться зельем, от пристрастия к которому он, как оказалось, так и не освободился.

Все осталось шито-крыто. Это придало Ветурлиди смелости, хотя он по-прежнему пил только в те выходные, ко-

гда оставался в доме один. Иногда он расслаблялся в своей квартире в Коупавогюре, когда остальные члены семьи отсутствовали, а иногда – где-нибудь в другом месте, если, не вызывая подозрений, мог сам уехать на уик-энд. Иной раз эти поездки хотя бы отчасти можно было объяснить служебной необходимостью, в других случаях Ветурлиди приходилось придумывать какую-нибудь ложь во спасение. Однако часто такие отлучки позволить себе он не мог – Вера не должна была ни о чем догадываться. Обычно он уезжал в Вестфирдир, где у него был летний дом, стоявший в безлюдной долине. Компанию ему составляла лишь бутылка спиртного. Вернее, бутылки. Их там у него было припрятано несколько штук – на всякий случай. Хотя Ветурлиди в полной мере осознавал шаткость своих самооправданий, с действительностью его примирял тот факт, что о его выходных наедине с зеленым змием так до сих пор никто и не узнал, а значит, не такой уж он и пропащий алкоголик, который не способен владеть ситуацией, и ничто не мешает ему продолжать в том же духе.

Но осторожность превыше всего – его жена ни при каких обстоятельствах не должна узнать эту тайну, ведь она не сможет поставить себя на место Ветурлиди и понять его: да, он пьет, но пьет умеренно.

Вот и теперь ему нестерпимо хотелось глотнуть чего-нибудь горячительного, но приходилось сдерживать себя, дожидаясь подходящего случая. Даже чертов кофе он себе не

может приготовить без того, чтобы не разбудить своих домочадцев!

Ветурлиди едва ли не на цыпочках спустился в гостиную. Комната была обставлена со вкусом, и в ней царила атмосфера умиротворения, будто ничего и не случилось, хотя счастье их семьи было разрушено.

Судя по всему, предстоял замечательный осенний день. Одетый в пижаму, Ветурлиди распахнул балконную дверь и вдохнул свежий утренний воздух. В столь ранний час на улице не было ни души, и тишина была почти полной, если не считать доносящегося издали, едва различимого гудения моторов изредка проезжающих машин. Позабыв о холоде, Ветурлиди некоторое время стоял на балконе. Вслушиваясь в безмолвие улицы, он ощущал себя единственным человеком на свете, а все его естество наполнялось чувством долгожданного покоя и безмятежности.

Он снова поднялся наверх с намерением еще немного вздремнуть. Но едва его голова коснулась подушки, как тишина была бесцеремонно нарушена.

Ветурлиди вздрогнул и резко поднялся с кровати.

Кто-то позвонил в дверь? Да еще в такую рань?

Пару мгновений он стоял неподвижно, надеясь в душе, что ему это всего-навсего послышалось.

Но тут звонок снова залился трелью – в этот раз более долгой и настойчивой. Сомнений не оставалось: кто-то стоял у входной двери. Ветурлиди устремился вниз по лестни-

це. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он очутился у двери, в которую уже откровенно колотили. Сердце Ветурлиди готово было выпрыгнуть из груди – кому же это так не терпится?

Он уже ухватился за дверную ручку, когда услышал позади себя какое-то движение. Обернувшись, он увидел стоящую на верху лестницы полусонную Веру в ночной сорочке.

– Что это, Ветурлиди? – спросила она. – Кто-то стучится? Уже утро? Что-то случилось? – Ее голос дрожал. – Все в порядке с...

Ветурлиди поспешно ответил:

– Разумеется, дорогая. С ним все в порядке. Спит крепким сном в своей комнате. Понятия не имею, кто это шумит. Сейчас посмотрим.

Снова раздался стук – на этот раз еще более громкий, чем прежде.

И Ветурлиди открыл дверь.

На пороге стояли двое полицейских в штатском, которых Ветурлиди сразу узнал. Его охватила тревога – вряд ли они пришли в этот час с хорошими новостями.

Переминаясь с ноги на ногу от смущения, что полицейские застали его в пижаме, Ветурлиди откашлялся и выдал из себя приветствие.

Оглянувшись через плечо, он увидел, что Вера так и не решается спуститься вниз.

– Здравствуйте, Ветурлиди, – сказал полицейский постарше, которому, однако, вряд ли было больше тридцати двух или тридцати трех лет. Звали его Лидур. – Разрешите войти на пару минут?

Ветурлиди отошел в сторону, пропуская полицейских в дом. Они остановились в прихожей и проходить дальше, судя по всему, не собирались.

– Может, присядем в гостиной? – нерешительно предложил Ветурлиди. – Угостить вас... кофе?

– Спасибо, нет. Просим прощения за столь ранний визит, – обратился Лидур скорее к Вере, чем к ее супругу. – И нам очень жаль... но...

Теперь пришла очередь полицейского подбирать слова.

В этот момент Ветурлиди краем уха уловил на верху лестницы очередной шорох. Подняв взгляд, он увидел появив-

шегоя рядом с Верой сына. Парень стоял в одних трусах. Вид у него был заспанный, а волосы взъерошены.

– Что случилось? – спросил он, глядя на мать. – Мама? Что они здесь делают? – (Вера молчала.) – Папа? – Он с испугом посмотрел на Ветурлиди.

– Мы вынуждены попросить вас проехать с нами, – после затянувшейся паузы сказал наконец Лидур.

Ветурлиди продолжал глядеть на жену и сына и не сразу понял, что эти слова обращены к нему.

Он обернулся:

– Кого?

– Вас. Я обращаюсь к вам, Ветурлиди.

– Ко мне? Я должен проехать с вами? Сейчас? Вы знаете, который час? – Он пытался сохранять спокойствие.

– Да, вам придется проехать с нами. Мы понимаем, что еще раннее утро, но это срочно.

– Срочно? Почему?

– Мы не можем обсуждать это здесь.

Полицейский, что был моложе, стоял несколько поодаль и в разговор не вступал.

– Но... я... – Ветурлиди колебался, не вполне уверенный, как ему отреагировать. Он терялся в догадках относительно происходящего.

– Собирайтесь. Давайте не будем затягивать, – сказал Лидур почти приказным тоном.

– Я... я подъеду чуть позже – дайте нам время проснуться,

в конце концов, и отправить сына в школу.

– Сожалею, но вам придется проехать с нами прямо сейчас.

– Но я ведь... должен сам это решать.

– Нет, Ветурлиди. Мы обязаны вас арестовать.

– Арестовать? Вы что, с ума сошли? – Неожиданно для самого себя он повысил голос. – Арестовать меня? – чуть ли не крикнул Ветурлиди, и его слова эхом отозвались в утренней тишине.

Он услышал, как заплакала Вера. Обернувшись, уперся взглядом в наполненные ужасом глаза жены. По ее щекам в три ручья катились слезы.

– Ветурлиди... – всхлипывала она. – Ветурлиди?..

– Вы что, хотите арестовать папу? – вмешался сын.

– Ну... – протянул полицейский, явно недоумевая, как бы объяснить парню происходящее. – Твоему папе придется проехать с нами и дать показания. Вот и все. – Было яснее ясного, что это далеко не вся правда.

– Все будет в порядке, – сказал Ветурлиди, обращаясь одновременно к сыну и жене. – Все будет в порядке. – Сам он едва верил в то, что говорит, но ничего другого ему не оставалось.

– Вы не имеете права забирать его! – крикнул парень, но его голос прозвучал не вполне решительно, а на лице читалась растерянность.

– Все в порядке, сынок, все в порядке, – попытался успо-

коить его Ветурлиди. Потом повернулся к полицейским и, глядя на того, что помоложе, сказал: – Мне нужно переодеться. Я не могу ехать в пижаме.

Полицейский перевел глаза на своего коллегу. Тот тяжело опустил руку на плечо Ветурлиди и ответил за более молодого напарника:

– Сожалею, но вам придется поехать с нами немедленно. Мы распорядимся, чтобы вам привезли одежду позднее. На улице в машине сидят наши сотрудники, которые произведут в доме обыск, пока вас не будет.

– Обыск? В нашем доме? – Ветурлиди казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Прикрыв глаза, он попытался сделать глубокий вдох, чтобы хоть как-то успокоиться, – раскидать на глазах у жены и сына не следовало.

– Вы его никуда не увезете! – выйдя наконец из оцепенения, закричала Вера и кинулась вниз по лестнице. Коллега Лидура преградил ей путь, но она попыталась оттолкнуть его – правда, сил у нее для этого было маловато.

– Успокойся, дорогая, – произнес Ветурлиди. – Иначе будет только хуже.

Затем по лестнице сбежал и сын и набросился на молодого полицейского:

– Оставьте его! Оставьте моего папу в покое!

Входная дверь была по-прежнему открыта. Выйдя на крыльцо вслед за Лидуром, сквозь утреннюю мглу Ветурлиди разглядел, что машин перед домом было две. Спуска-

ясь с крыльца, Лидур держал Ветурлиди за плечо достаточно крепко. Неужели он и правда думал, что отец семейства в пижаме вдруг кинется наутек?

– Папа! – услышал Ветурлиди, подходя к полицейской машине. Он оглянулся и увидел сына, который бегом спускался по ступеням крыльца. Невзирая на холод, он был почти голый. – Отпустите его! Папа!

Он кричал так громко, что у Ветурлиди мелькнула мысль, что все соседи наверняка проснулись и теперь с любопытством наблюдают за происходящим из-за занавесок. В это прекрасное утро покой его семьи, да и всей округи, был нарушен. Соседи вроде бы уже и не судачили о его пьянстве, и вот теперь у них появится новая тема для досужих разговоров. Все, кто видел эту сцену, вряд ли когда-либо забудут, как Ветурлиди в одной пижаме вытащили из дома ни свет ни заря, а его сын кричал во все горло, требуя отпустить отца.

Люди, конечно, станут задаваться вопросом: что же он такого натворил?

И Ветурлиди не сомневался, что большинство не замедлит сделать свои выводы.

Ветурлиди разрывался между надеждой и отчаянием. Сидя с закрытыми глазами в тесной камере, он недоумевал, как такое могло с ним случиться. Последние недели, по-видимому, были каким-то кошмаром. И конечно, это только вопрос времени, когда он проснется, пусть и в холодном поту, но вне опасности – в собственной кровати рядом с Верой. И все вернется на круги своя.

Он проигрывал в голове нереальные сценарии отчасти для того, чтобы создать иллюзию лучшего будущего, а отчасти – чтобы мучить себя из-за того, что невозможно изменить.

Он беспрестанно думал о Вере. Каково ей теперь? Полиция, не церемонясь, арестовала Ветурлиди на глазах у жены и у сына. Какие мысли преследуют ее сейчас? Полагает ли она, что произошла чудовищная ошибка? Ну да, ведь иначе и быть не может, поскольку любой другой вариант просто ужасен. Или она все же сделала другие, гораздо более мрачные выводы?.. Ветурлиди даже думать боялся о такой возможности.

Он понятия не имел, сколько уже тут находится. Часы у него забрали, и Ветурлиди полностью потерял счет времени. Наверняка скоро полдень, и все обычные люди заняты работой... Его сознанием вновь овладела мысль о соседях. Не то чтобы сейчас их мнение имело хоть малейшее значение, но

все-таки... Все-таки Ветурлиди не мог избавиться от ощущения, что оно имеет значение. Их семья жила в этом районе уже десять лет, и отношение окружающих к ним нельзя было списывать со счетов. Чужое мнение – в данном случае мнение об их семье соседей, которых он даже не всех знал по именам, – являлось своего рода зеркалом, и, глядя в него, Ветурлиди хотел видеть лишь идеальное отражение. Ходить с высоко поднятой головой – то, к чему он всегда стремился, и теперь его этой возможности лишили, и не только его, но и Веру. На всю семью легло пятно позора.

Он старался не падать духом – стоит дать слабину, и его песенка спета. От клаустрофобии Ветурлиди, к счастью, никогда не страдал, так что находиться в закрытом пространстве не являлось самой большой из его проблем. Будь иначе, ему пришлось бы куда тяжелее. Четыре стены, ни одного окна, запертая дверь – и упование на снисходительность сограждан. Нет-нет, сдаваться нельзя. Рано или поздно его отпустят – надежда умирает последней.

Ветурлиди спросили, нуждается ли он в услугах адвоката. Он, не задумываясь, ответил, что среди его знакомых адвокатов нет и он даже не представляет, кому можно позвонить. Его заверили, что это не проблема, поскольку есть возможность назначить защитника и Ветурлиди даже не придется выбирать его самому. Он некоторое время поразмышлял и пришел к выводу, что его согласие может быть приравнено к признанию. Ему казалось, что его хотят заманить в ловуш-

ку, – скажи он, что нуждается в адвокате, и его тут же сочтут
ВИНОВНЫМ.

Надо сказать, приглашение встретиться в кафе с коллегой из Рейкьявика не только удивило, но и обрадовало Андрьеса.

Он приехал в столицу в связи с расследованием смерти девушки, тело которой обнаружил в тот злосчастный день в летнем доме в Вестфирдире. Чего он только не повидал на своем веку, работая в полиции, но эта ужасная история произвела на него особенно гнетущее впечатление и прочно врезалась в память.

С Андрьесом связался представитель столичной полиции по имени Лидур, который и проводил расследование. Ему было около тридцати лет или чуть больше, и человеком он казался энергичным и амбициозным.

Они договорились встретиться в кафе «Мокка», о котором Андрьес знал лишь понаслышке.

Андрьес пришел пораньше и теперь сидел у окна, потягивая черный кофе. Был разгар рабочего дня в середине недели, поэтому других клиентов в кафе не оказалось. Вскоре в заведение вошел молодой человек, весь вид которого говорил о бескомпромиссности, характерной для любителей отдавать приказы. Роста он был не очень высокого, но обладал завидной мускулатурой. Он сразу направился к столику, за которым сидел Андрьес.

– Здравствуйте. Вы, я так полагаю, Андрьес, – сказал он и

сдавил ладонь коллеги в стальном рукопожатии.

– Да, здравствуйте.

– Вижу, уже заказали себе кофе. – Он отошел к барной стойке и почти сразу же вернулся со своей чашкой.

– Отлично, что смогли приехать, – усаживаясь напротив, сказал он компанейским тоном.

– А как же иначе?

Андрьес чувствовал себя несколько неловко – кафе казалось ему довольно странным местом для рабочей встречи. Почему бы Лидуру было просто не пригласить его в свой кабинет? Или полицейское управление Рейкьявика – место слишком пафосное для провинциального сыщика? Андрьес попытался отогнать от себя это предположение – зачем искать подводные камни? Столичный коллега просто хотел, чтобы гость не чувствовал себя не в своей тарелке, не более того.

– Дело, конечно, скверное, – продолжил Лидур. – Прямо скажем, ужасное.

– Да, верно.

– И вы первым оказались на месте происшествия. Сцена наверняка была еще та!

– Ну, на своем веку я всякое повидал...

– Спасибо, что приехали в Рейкьявик. Понимаю, что мы отрываем вас от работы.

– Ничего страшного, – ответил Андрьес.

– Но иначе никак. Кто лучше вас опишет все обстоятель-

ства? – Он немного помолчал. – Бедная девушка.

Андрьес кивнул. Он не совсем понимал, к чему идет их разговор.

– Как бы то ни было, тот, кто это сделал, теперь под арестом, – добавил Лидур. – Расследование прошло довольно гладко, и все улики указывают на него. Но вы ведь уже в курсе подробностей, не так ли?

– Да-да, – пробормотал Андрьес, уткнувшись в чашку с кофе.

– Такие дела нужно раскрывать в самые короткие сроки. Когда убивают молоденьких девушек – это нечто из ряда вон выходящее. Убийства в Исландии большая редкость, поэтому тянуть тут нельзя. Людям не терпится узнать о результатах.

– Да, вы отлично сработали.

– Нам повезло, что он забыл там свой свитер, – продолжил Лидур.

– Свитер?

– Да, шерстяной свитер, что был обнаружен рядом с трупом. Вам об этом разве не говорили? Мы, вообще-то, делали все, чтобы эта информация не просочилась в прессу.

– Вот как? Нет, со мной никто не связывался.

– Он оставил на месте преступления свой свитер и уже признался, что вещь принадлежит именно ему. У нас также есть свидетели, которые незадолго до случившегося видели его в этом свитере в Рейкьявике. Он наверняка был в летнем

доме в те выходные, хотя и утверждает обратное. Вы разве не помните, что на полу лежал свитер?

– Нет, знаете ли... Я оторопел при виде трупа в луже крови. Вряд ли я в тот момент мог заметить что-то еще. Зрелище, скажу я вам, не из приятных.

– Да уж, могу себе представить, – сказал Лидур невозмутимо. – На свитере была кровь, поэтому он – основная улика. Было бы прекрасно, если бы вы смогли вспомнить о нем, раз уж вы оказались на месте происшествия первым. Наши криминалисты нашли свитер, но хотелось бы, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что он был там в момент обнаружения трупа.

– Вы хотите, чтобы я о нем вспомнил? Но... я не помню.

– Конечно, понимаю. Но было бы неплохо, если бы вспомнили.

– Неплохо?

– У нас, разумеется, есть и другие улики – на суде он как миленький сознается... Но хочется, чтобы комар носа не подточил, понимаете? Вы не помните, был ли свитер у нее в руках, или она лежала на нем?

– Но я же говорю, что не помню...

– Свитер был у нее в руках, и это сильный аргумент в пользу того, что задержанный нами человек виновен. Вероятно, она пыталась оказать преступнику сопротивление или, может, намекнуть нам на то, кто он.

– Ну я не знаю... – Дыхание Андрьеса участилось – такое

бывало с ним, когда на него оказывали давление. Наверняка еще и лишний вес сказывался. Он почувствовал, как по спине у него побежали струйки пота. – Но я...

– Вас будут об этом спрашивать. Хорошо бы иметь по этому вопросу стопроцентную уверенность.

– Но я даже не представляю, чем могу помочь. – Несмотря на возраст и весь свой опыт, Андрьес ощущал себя перед напористым коллегой из Рейкьявика почти как кролик перед удавом.

Лидур сделал глоток из чашки и после небольшой паузы сказал:

– Отличный здесь кофе. Вы не находите?

Андрьес кивнул.

– Мы тут проводим расследование в отношении одного типа, – вдруг резко сменил тему Лидур. – Он занимается нелегальным кредитованием. У вас в Вестфирдире ничего такого нет?

У Андрьеса перехватило дыхание. Он почти не сомневался, к чему клонит Лидур, но в душе все же надеялся, что ошибается.

С ответом найтись он не смог.

– Это, конечно, уму непостижимо. Пройдоха дает кредиты под сто или даже двести процентов. Жаль тех, кто попадает на его крючок.

Андрьес молчал, стараясь ничем не выдавать своей реакции.

– Кто только не оказывается замешанным в такие дела! Он давал займы всяким темным личностям, но и добропорядочные граждане не гнушались пользоваться его услугами. Понятно, что иногда обстоятельства толкают людей на подобные аферы, поэтому хотелось бы, конечно, чтобы их имена не фигурировали в расследовании. А особенно в прессе – дело наверняка вызовет большой резонанс.

– Я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к тому, что мы обсуждаем, – проговорил наконец Андрьес.

– Ну, насколько я знаю, ваше имя тоже всплыло в связи с этими кредитными махинациями. – Лидур сделал многозначительную паузу, а потом продолжил: – Вы не в курсе?

Андрьес не ответил.

– Я подумал, что вам, вероятно, вряд ли захочется, чтобы ваше имя склоняли на каждом углу. Вы ведь взяли у него займы довольно большую сумму, верно?

– Нет ничего... неблагоприятного в том, что у людей случаются финансовые затруднения, – пробормотал Андрьес.

– Ну да, наверное, вы правы. – Лидур поднялся из-за стола. – Вы подумайте об этом. Надеюсь, слухи еще не успели дойти до Вестфирдира, и, вероятно, ваша репутация никак не пострадает. Не могу знать. Однако надеюсь, что ваши свидетельские показания будут предельно ясными. Этот человек не должен выйти сухим из воды.

Домой Андрьес возвращался не спеша – ему нужно было многое обдумать. Хотя уже наступила зима, погода стояла довольно сносная, так что никаких неожиданностей в дороге с ним не произошло и он благополучно добрался до Вестфирдира. Однако на душе у Андрьеса было отнюдь не спокойно – встреча с коллегой из Рейкьявика пару месяцев назад выбила его из колеи, и ему казалось, что весь мир в одночасье перевернулся. Он понимал, что, воспользовавшись услугами нелегального кредитора, формально никаких законов не нарушил. Тем не менее ему совершенно не хотелось, чтобы этот факт был предан огласке. Безусловно, решив взять займы у человека с сомнительным прошлым и связями в преступном мире, Андрьес совершил сделку с дьяволом – зависеть материально от такого проходимца, да и вообще иметь с ним какие бы то ни было дела недостойно полицейского. Однако ситуация обстояла именно так.

Недостойно полицейского... да, именно здесь и зарыта собака. Андрьес положил годы на то, чтобы заработать себе репутацию честного и порядочного слуги закона, стоящего на страже правопорядка и уважаемого в обществе. Примерный гражданин, он был членом различных клубов и ассоциаций и вот теперь рисковал безвозвратно потерять свое доброе имя. И думал Андрьес не только о себе, но и о своей се-

мье – о жене, которая ждет его дома и станет расспрашивать, как прошла поездка и удалось ли ему поспособствовать тому, чтобы виновный оказался за решеткой. О сыне и дочери, которые уже были взрослыми людьми и продолжали считать отца образцом нравственности. О внуке – первом, но, как надеялся Андрьес, не последнем, – который в дедушке души не чаял. Втягивать их всех в этот скандал Андрьес просто не имел права.

И вот Лидур позвонил снова – как раз перед тем, как Андрьес должен был давать показания в суде. Полицейский из Рейкьявика сообщил, что по причине не совсем слаженной работы на месте происшествия в распоряжении следствия не оказалось фотографий, на которых убитая держит свитер своего отца в руках. Однако снимки свитера, лежащего на полу рядом с трупом, разумеется, есть. Лидур особо подчеркнул важность того, чтобы Андрьес подтвердил, что видел свитер обвиняемого в руках у жертвы. А еще он как бы между прочим заметил, что нелегальный кредитор уже под арестом и с ним наверняка удастся заключить сделку, чтобы списать долг Андрьеса и не вовлекать его в расследование незаконных денежных махинаций. Андрьес не поверил своим ушам – слишком уж прозрачным казался намек Лидура. Его вроде как и открыто лгать не просили – Андрьес действительно не помнил ни о каком свитере, да и сомневаться в правоте Лидура оснований у него не было. Тот всего-навсего стремился к тому, чтобы правосудие восторжествовало и ви-

новного наказали за ужасное преступление, которое он совершил в отношении несчастной девушки. Андрьес пытался убедить себя, что именно это и сподвигло его несколько изменить свои показания в соответствии с просьбой Лидура – якобы он тоже борется за победу справедливости. Разумеется, в глубине души он понимал, что на такой поступок его подтолкнули совсем иные причины, и эта мысль не давала ему покоя. Он дал показания в той форме, которая была предложена Лидуром, и надеялся, что обвиняемый в конечном счете во всем сознается. Однако теперь Андрьеса грызли сомнения: а не арестовала ли полиция не того человека?..

Не в силах совладать с самим собой, он свернул с дороги в долину и поехал по направлению к летнему дому. Он и сам точно не знал зачем, а лишь ощущал острую необходимость вновь оказаться в том месте, чтобы вспомнить, что видел, и лишний раз убедиться, что своими действиями поспособствовал торжеству справедливости.

Выйдя из машины, Андрьес медленным шагом направился в сторону дома. Как бы ему хотелось, чтобы совершенное там убийство девушки было всего лишь страшным сном! Он заглянул в окно, как и в тот день, когда обнаружил труп, но на этот раз ничего не увидел. В доме не было ни света, ни каких бы то ни было следов человеческого пребывания. Яснее ясного, что отныне пользоваться домом никто не будет, – по крайней мере, семья убитой девушки уж точно. Вероятно, в один прекрасный день – когда ужасные события сотрутся из

памяти – его продадут. Купит его какой-нибудь доверчивый горожанин, ни сном ни духом не подозревающий о том, что в этом доме случилось.

Но ведь преступление, к счастью, раскрыто, разве не так? Полиция арестовала убийцу. Коллеги из Рейкьявика допустить ошибки не могли – особенно в таком серьезном деле. Сам бы Андрьес с подобным расследованием не справился – да и кто он такой? Так, мелкая шестеренка в механизме правосудия. Он всего лишь дал краткие свидетельские показания, которые, однако, могли повлиять на исход дела.

Теперь обвиняемый ждет приговора, и большинство из тех, с кем Андрьесу удалось поговорить, не сомневались, что суд признает его виновным. Было совершено чудовищное преступление, и люди будто наслаждались, смакуя его подробности. В той версии случившегося, которую представили полиция и прокурор, имелись некоторые необычные детали, раздутые стараниями досужих сплетников до размеров сенсации. Андрьес даже сочувствовал обвиняемому, хотя никаких на то причин не было. Во всяком случае, если верить полиции. Но все же Андрьес испытывал жалость и к нему, и к его семье – жене и сыну. Парень был уже почти взрослым и во время судебного слушания выглядел ужасно подавленным.

Андрьес продолжал неподвижно стоять перед домом. Он не понимал, что здесь делает и почему не может сойти с места, будто его ноги налились свинцом. Он прикрыл глаза

и вспомнил представшую перед ним жуткую картину. Чем дольше он размышлял, тем больше убеждался в том, что не видел в руках убитой девушки никакого свитера, – будь это иначе, он бы обязательно запомнил его.

Черт!

Он солгал в суде. И хуже всего то, что для него все было ясно изначально, как бы он ни пытался убедить себя, что только теперь, стоя на месте происшествия, в его памяти стали всплывать истинные обстоятельства.

Вопрос был в том, повлияет ли его ложь на исход дела.

Если этого человека признают виновным, насколько важной окажется роль Андрьеса?

А если ему немедленно вернуться в Рейкьявик и отозвать свои показания? Каковы будут последствия? Придет ли судья к заключению, что версия обвинения не подкреплена серьезными доказательствами, и признает ли подсудимого невиновным? Человека, который, возможно, совершил ужасающее преступление...

Неудивительно, что ноги Андрьеса налились свинцом. Ему нужно принять решение, прежде чем ехать дальше. Оставить все как есть или вернуться в Рейкьявик и во всем сознаться?

А что будет, если он выберет второе? Его с позором уволят, и честь его семьи будет запятнана. Имеет ли он право так поступать со своими близкими людьми? А каково ему будет жить с ложью?

Он должен принять решение здесь и сейчас.

Ветурлиди сидел в тюремной камере в ожидании своей участи, и в голове у него творилась такая неразбериха, что ему стоило больших усилий сохранить остатки разума.

Судебные слушания закончились, и, хотя защитник Ветурлиди старался делать хорошую мину при плохой игре, оптимизма в его глазах не было. «Справедливость в конечном счете всегда одерживает верх», – сказал адвокат, глядя на Ветурлиди через толстые стекла очков и приглаживая редящую шевелюру. Он был среднего возраста и носил элегантные костюмы. «Не волнуйтесь», – говорил он, но не волноваться его подзащитный не мог. Адвокат ему явно сочувствовал, но, с другой стороны, создавалось впечатление, что ему хочется поскорее уйти. За стенами тюрьмы у него была своя жизнь, которая интересовала его гораздо больше судьбы Ветурлиди.

Отчаяние овладевало им безраздельно, стоило лишь жене и сыну предстать перед мысленным взором Ветурлиди. Заключение под стражу сломило его дух, и от него прежнего почти ничего не осталось. В камере его душила клаустрофобия – особенно ужасными были первые несколько ночей, когда он просыпался в холодном поту и, крича во все горло, начинал колотить в стену кулаками, пока не разбивал их в кровь. Ветурлиди казалось, что стоит только уснуть, как

невидимая рука снова сдавит ему горло. Со временем его сон стал несколько спокойнее, но свыкнуться с давящей тюремной атмосферой было невозможно.

Находиться в одиночной камере было хуже всего, но камера, в которую его поместили сейчас, была ненамного лучше, замкнутое пространство, ограниченное четырьмя стенами.

Свидания с семьей ему не запрещались, но для себя Ветурлиди такую возможность даже не рассматривал – сжигавшее его чувство стыда не позволило бы ему взглянуть в глаза Вере и их сыну. Он с ужасом представлял себе, через какое горнило они вынуждены проходить по его милости. Сын уже, конечно, совсем взрослый – девятнадцать лет, – но Ветурлиди до сих пор ощущал острую боль в груди, когда вспоминал, как парень, стоя на лестнице той ночью, кричал от испуга и безысходности, в то время как он сам не находил слов, чтобы его успокоить.

Каким бы ни оказался приговор, сможет ли Ветурлиди вернуться к своей прежней жизни? На этот счет он сильно сомневался. Удастся ли ему вернуть доверие семьи? Или их отношения будут навсегда отравлены подозрительностью, даже если его оправдают? А как же все остальные? Сможет ли он вернуться на работу? Ходить по улице с высоко поднятой головой? Не отводить глаз при встрече с соседями?

Эти вопросы угнетали Ветурлиди даже сильнее, чем страх приговора и возможный тюремный срок, – все его терзания обратились в тяжкую ношу, вынести которую было не под

силу ни одному человеку на свете. Иногда ему хотелось просто уснуть и больше не проснуться.

Рабочая неделя выдалась напряженной, и к пятнице Хюльда в полной мере ощущала упадок сил. Ее поддерживала лишь заманчивая перспектива столь редко выпадавших на ее долю выходных, когда она наконец сможет отвлечься от хлопотных, а порой и изматывающих полицейских обязанностей. Такого понятия, как рутина, в ее работе просто не существовало, и, отправляясь утром или вечером на службу, Хюльда должна была быть готовой к тому, что ее в любой момент могут вызвать по самым разным делам, в том числе и сопряженным с насилием или смертью. Однако за годы службы она научилась проводить четкую грань между домом и работой.

Не переходить эту грань поначалу у нее получалось с переменным успехом – будучи на связи двадцать четыре часа в сутки и беспрестанно прокручивая в голове те дела, которые не удалось завершить до конца рабочего дня, она, собственно говоря, находилась на службе постоянно. Но граница, за которой прекращались любые разговоры о работе, пролегла на пороге ее дома – дом был ее святилищем, поэтому обсуждать служебные дела ни за кухонным столом, ни в гостиной, ни где бы то ни было еще в его стенах она себе не позволяла.

Как обычно в пятницу, на дорогах были пробки, но по мере того как Хюльда приближалась к повороту на Аульфта-

нес⁵, движение стало более свободным, и она смогла наконец немного разогнаться на своей новенькой «шкоде». Хюльда купила машину в начале года и была ею очень довольна. По сути, это был ее первый собственный автомобиль. До этого они с Йоуном пользовались одной машиной на двоих, что, безусловно, требовало немалой организованности и терпения, и не в последнюю очередь потому, что они приняли решение поселиться так далеко от города. Однако годом ранее бизнес Йоуна принес неплохой доход, и супруги решились на покупку еще одного автомобиля. Машина предназначалась Хюльде, поэтому у нее была полная свобода выбора – конечно, в разумных пределах. Ей пришлось по душе зеленая «шкода» с двумя дверцами, за рулем которой она сейчас и находилась.

Хюльда заранее подготовила провизию на сегодняшний вечер – в холодильнике лежали бифштексы, которые оставалось просто поджарить, а также газировка. Такое меню устраивало ее домашних, да и особых усилий для его приготовления не требовалось, учитывая, что был вечер пятницы. После ужина они обычно усаживались в гостиной перед телевизором. Сама Хюльда не была большой поклонницей телевидения и смотрела его, исключительно чтобы составить компанию дочери. Хюльде больше нравилось проводить свободное время на воздухе – в саду, глядя на море, или в горах, если выпадала такая возможность. Йоун же по характеру

⁵ *Аульфтанес* – группа небольших полуостровов поблизости от Рейкьявика.

был домоседом, но все-таки поддавался на уговоры Хюльды и сопровождал ее в вылазках на природу.

Такие походы были, конечно, нечастыми в первые годы после рождения Диммы, хотя организовать присмотр за ней особых сложностей не представляло. Мать Хюльды всегда с большим удовольствием оставалась с внучкой и вкладывала в это всю душу. Иногда Хюльде даже казалось, что у ее матери сложились более близкие и теплые отношения с Диммой, чем у нее самой, – по какой-то необъяснимой причине они были более доверительными. Девочке скоро исполнилось тринадцать лет, и в этом были как минусы, так и плюсы. Она, безусловно, стала самостоятельнее, но в то же время и подростковые проблемы не заставили себя ждать. Димма была подвержена перепадам настроения и нередко проявляла раздражительность. Ей все меньше хотелось проводить время с родителями – доходило до того, что, вернувшись домой, она направлялась напрямик в свою комнату и запиралась там. Больше всего Хюльду пугало то, что Димма сторонится не только их с Йоуном, но и своих друзей, из-за этого девочка могла выпасть из привычного ей круга общения. Бывало, Хюльда пыталась вывести дочь на разговор, но обычно такие беседы заканчивались молчанием или ссорой. Однако она не теряла надежды, что ситуация изменится, как только Димма преодолеет эту фазу своего взросления.

Вероятно, дело усугублялось еще и тем, что супруги проводили мало времени дома из-за работы. Хюльда периодически

ски выходила в вечернюю или ночную смену, да и Йоун постепенно превращался в трудоголика, поскольку занимался своим бизнесом с утра до вечера, несмотря на предупреждение врача, что состояние его сердца оставляет желать лучшего. Он добросовестно принимал выписанные врачом лекарства, которые, по мнению последнего, были ему жизненно необходимы, а вот советы или, скорее, указания сбавить темп на работе он полностью игнорировал. Хюльде, конечно, следовало бы вразумить мужа, но, говоря начистоту, она понимала, что своей безбедной жизнью они обязаны в первую очередь доходам Йоуна, – ее зарплата в полиции не шла с ними ни в какое сравнение. Вообще-то, у Хюльды было довольно расплывчатое представление о том, в чем конкретно состоит бизнес мужа, – он неплохо заработал на поставках импортной продукции, и теперь деньги, по его собственным словам, «работали сами на себя» благодаря тому, что он вложил их в другие компании. Насколько было известно Хюльде, основное время Йоун проводил на деловых встречах и переговорах с банками. Она не раз и не два заговаривала с ним о том, что стоило бы относиться к работе не столь рьяно. Однако Йоун считал, что только так и нужно вести бизнес, мол, отвлекись он хоть ненадолго, и пиши пропало – с деньгами можно распрощаться. И Хюльда охотно верила ему, поскольку знала, что, работай он меньше, жизнь их семьи была бы не столь обеспеченной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.